Германский образ России: институционализация конфронтации и возможности её преодоления

Владислав Белов, заместитель директора по науке Института Европы РАН, заведующий Отделом страновых исследований, руководитель Центра германских исследований ИЕ РАН, вице-президент Международного общественной организации – Общества «Россия – Германия»

Уважаемые коллеги!

Позвольте на примере Германии сформулировать пять тезисов, непосредственно связанных с темой нашего круглого стола.

Первое. О природе русофобии.

Предлагаю разграничивать неприятие России как историко-культурного пространства, критическое отношение нынешней исполнительный и законодательной власти к российскому государству и политическое использование образа российской угрозы.

Не всякая критика России является русофобией. Но когда негативное отношение к государству переносится на его граждан, язык, культуру и историческую память, мы сталкиваемся с качественно иным явлением – общественным и цивилизационным отчуждением.

Второе. О германском парадоксе.

Ещё относительно недавно Германия была одним из европейских лидеров по масштабам и глубине сотрудничества с Россией. Существовала уникальная инфраструктура политических, хозяйственных, научных и культурно-гуманитарных связей.

Сегодня основная часть этой инфраструктуры демонтирована.

Следовательно, нынешнее состояние германо-российских отношений нельзя объяснить исключительно исторически укоренённой русофобией. Иначе мы не сможем объяснить несколько десятилетий предшествовавшего конструктивного взаимодействия.

Необходимо исследовать конкретные политические и общественные механизмы, посредством которых произошла столь радикальная трансформация образа России.

Третье. Об институционализации конфронтации.

Именно здесь я вижу одну из наиболее серьёзных проблем.

Восприятие России как долгосрочной угрозы закрепляется в германских стратегиях безопасности, военно-политическом и оборонном планировании, бюджетных приоритетах, информационном и образовательном пространстве.

Возникает своеобразный замкнутый круг: представления исполнительной власти и близкого к ней экспертного сообщества об угрозе определяют политические решения, а принятые решения, в свою очередь, закрепляют эти представления.

Конфронтация приобретает собственную институциональную инерцию, становится частью повседневного функционирования германского хозяйственно-политического пространства.

Поэтому даже урегулирование украинского конфликта, будучи важнейшей предпосылкой изменения отношений, само по себе не приведёт к автоматическому демонтажу сложившейся системы противостояния.

Четвёртое. О неоднородности германского общества.

Германия не монолитна. Существуют существенные различия в восприятии России между восточными и западными землями, политическими партиями, поколениями, профессиональными и общественными группами.

Наше – Института Европы РАН – продолжающееся общение с немецкими коллегами показывает, что запрос на диалог сохраняется. При этом готовность к диалогу отнюдь не означает согласия с российской позицией.

Именно поэтому принципиально важно не отождествлять политику Берлина с отношением всего германского общества к нашей стране.

Мы не должны отвечать на русофобию зеркальной германофобией. Тем самым мы лишь способствовали бы закреплению взаимного отчуждения.

Пятое. Есть ли выход из новой холодной войны?

Полагаю, что есть. Но начинать необходимо с восстановления способности к коммуникации.

Здесь уместно обратиться к интеллектуальному наследию выдающегося отечественного дипломата и государственного деятеля Юлия Александровича Квицинского.

Суть предлагаемого подхода – признание глубоких разногласий без превращения их в непреодолимое препятствие для диалога, уважение интересов и озабоченностей другой стороны, поиск ограниченных, но практически реализуемых договорённостей.

Необходимо сохранять и постепенно восстанавливать профессиональные, научные, культурные и общественные контакты, не ставя их в полную зависимость от состояния межгосударственных отношений.

Особенность нынешней холодной войны состоит в том, что мы во многом утрачиваем даже те механизмы коммуникации, которые существовали в годы прежней холодной войны.

Их восстановление – наша первоочередная задача.

Выход из конфронтации начинается не с устранения всех противоречий, а с признания того, что их невозможно устранить без взаимодействия.

И здесь особая ответственность лежит не только на политиках и дипломатах, но и на нас – представителях науки, культуры и средств массовой информации.

Благодарю за внимание.